

A woman with dark hair styled in an intricate updo, wearing a large, ornate headdress adorned with gold, red flowers, and green leaves. She is wearing a red and gold patterned garment. The background is a vast, mountainous landscape under a blue sky with white clouds. The text "Татьяна Толкачева" is written in white, bold, sans-serif font across the top of the image.

Татьяна Толкачева

**Мама, душа
МОЯ**

Татьяна Толкачева

Мама, душа моя

<https://litres.ru/73737461>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мама, душа моя – это фантастический роман о странствиях материнской души, предназначении женщины и о спасении жизни. Структура романа созвучна экранизации Небесного Атласа Братьев Вачовски (а также ее первоисточнику - книге Дэвида Митчелла с одноименным названием).

В книге отображены шесть временных отрезков, первый из которых рассказывает о древней алтайской цивилизации пазырыкцев и принцессе Укок. Прекрасная амазонка предстает перед нами облаченная в шелка и золоченый головной убор высотой в метр, руки ее покрыты изысканными татуировками грифонов и оленей.

Принцесса Укок умирает молодой, тело ее мумифицируют и захоранивают в кургане. Душа ее фантастическим способом возрождается спустя тысячелетия в поиске спасения от смертельной болезни. Переносясь из глубокой древности в наше время, а затем и в будущее, мы отслеживаем странствия этой души и ее влияние на судьбы еще пяти поколений женщин. Все они движимы жадой странствий и познания.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	45
Глава 8	48
Глава 9	60
Глава 10	71

Татьяна Толкачева

Мама, душа моя

Глава 1

Пролог. Ледяная Госпожа

Кто же теперь расскажет, кем она была на самом деле? За много веков до наших дней эта скифская принцесса, или провидица - она же Госпожа Ак-Кадын по алтайской народной легенде - прибыла верхом на плато Укок. Начала она свой путь с ледника, где берет начало крупнейшая река Алтая — Катунь, у подножия Белухи. Разделяющая Запад и Восток, эта гора на границе России и Казахстана и в наши дни таит в себе много загадок, притягивая к себе словно магнитом и мороча головы путникам. Даже не слишком впечатлительные альпинисты, отважившиеся на подъем, свидетельствуют о непонятных огнях, освещающих гору по ночам. Рассказывают и о тех, кто отправился туда после заката и не вернулся.

Экспедиция Николая Рериха искала в этих местах землю обетованную – вход в мифическую страну Шамбалу. Будете в Верхнем Уймоне – загляните в мемориальный дом-му-

зей, пройдитесь рериховскими тропами. Может быть, и вас поманит Беловодье своими загадками. Алтайцы же считают гору Белуху священной по сей день, а Ак-Кадын называют Белой Госпожой - хранительницей покоя подземного мира.

Доподлинно известно одно: наша величественная всадница была женщиной необычной. Путь ее из предгорья Белухи был долгим и трудным, что слегка омрачило чело молодой странницы. Спустившись с Катунского хребта, прекрасная амазонка, облаченная в индийские шелка и золоченый головной убор, окинула уставшим взглядом раскинувшуюся перед ней знойную долину. Стояло короткое Алтайское лето.

Через плато Укок в Железном веке уже пролегли первые торговые пути. Караваны с товарами из Средней Азии приходили в долину, которую в те времена населяли пазырыкцы, поэтому чужестранцы не были редким явлением. Тем не менее, местные ребятишки, разинув рты, с удивлением разглядывали искусные татуировки мифических птиц и зверей, украшающие руки одинокой всадницы. На бедре ее красовался изысканный кожаный кошелек с растительным орнаментом. Переведя взгляд выше, дети и вовсе остолбенели – так величественно возвышалась она над ними в своем сияющем на солнце венце, изображавшем древо жизни.

- Сын, беги скорее к вождю, сообщи о прибытии высоко-

родной гостыи, - позвала одного из мальчишек выглянувшая из юрты хозяйка.

- А вы присядьте с дороги, Госпожа, - предложила она величественной всаднице, почтительно склонившись в поклоне и указав на кресло с витыми деревянными ножками под ковровым навесом.

Мальчик с трудом отвел глаза от изображения грифона - оленя с клювом и рогами на плече незнакомки - и помчался что есть духу. Вскоре показался воин на коне; за плечами вождя развивался шелковый плащ, а сбрую лошади украшала деревянная резная бляха с изображением человека-льва. Он спешился и опустился на колени перед сидящей на его троне Ак-Кадын.

- Ты оказала нам честь, Госпожа.

Расстегнув свой кошелек, Ак-Кадын извлекла из него косяной предмет.

- Здравствуй, вождь, я привезла тебе благословение Богов Беловодья. С этими словами знатная гостыя протянула ему личину-подвеску тонкой работы с изображением рыбы. Вождь озабоченно взгляделся в лицо высокой гостыи.

- Благословение, о Госпожа?

- Высокогорье убивает меня, вождь. Следующей зимы мне не пережить, скоро воды Катуня унесут меня, - печально ответила Ак-Кадын, ведающая все наперед.

Шесть дней пазырыкские шаманы курили благовония – семена кориандра и конопли - у постели ведуньи, грудь которой жег неведомый огонь. Над юртой печально кричали и кружились белые птицы. На седьмой день Ак-Кадын не стало.

Прекрасное тело молодой женщины мумифицировали, обрядили в лучшие ткани и положили в саркофаг из дерева, водрузив ей на голову почти метровый золоченый венец. В жертву богам были принесены шесть лошадей. Их поместили в соседней камере кургана, в котором и похоронили Ак-Кадын в конце августа. Рядом с саркофагом госпожи Беловодья положили лебедей из войлока. Пазырыкцы верили, что эти птицы поедали частичку души умершего и уносили ее в небеса.

Тело ведуньи сохранилось практически нетленным до наших дней благодаря леднику, образовавшемуся в затопленном вскоре после захоронения погребении. Для высокогорья Алтая характерен суровый климат, короткое лето, веч-

ная мерзлота. Из ледника она вышла, и в ледник вернулась.

Итак, плато Укок, две с половиной тысячи лет назад, поздняя осень. Здесь начинается наша история. Дети встали в круг. Они передают из рук в руки сверток. Как капустку, они поочередно снимают лист за листком в надежде обнажить таинственный предмет, скрытый внутри свертка. Когда последний ребенок, замыкая круг, разворачивает самую нижнюю обертку из ткани и обнажает игрушечную птицу из войлока, земля начинает содрогаться, и картинка рассыпается.

В результате сильного землетрясения, которые не редкость на Алтае, дух ледяной госпожи потревожен. На земле люди в панике ищут убежища, а тем временем в небо взмывает стая белых лебедей, унося душу Ак-Кадын высоко в небо... и далеко в будущее.

Глава 2

Мария

Мелькали лица, бешено крутился калейдоскоп эпох и пейзажей, а Душа Ледяной Госпожи все скиталась по свету в поисках пристанища. Словно в тумане, блуждая по лесу, услышала она крик новорожденного. Следуя зову, в предрассветный час Душа оказалась на широкой равнине, посреди которой возвышался огромный валун, окруженный камнями поменьше. В какие неведомые дали забросили ее чудесные лебеди? Что за могучий богатырь раскидал эти камни? Очертания глыбы напоминали морду лошади, а камни поменьше, составлявшие основу валуна, ее копыта. Казалось, это верный конь Ледяной Госпожи лишь ненадолго опустил на передние ноги отдохнуть перед дальней дорогой.

За сходство с прекрасным животным каменную глыбу из кварцевого песчаника весом более двадцати тонн жители Тульской губернии издревле называли Конь-Камень. Современные ученые считают этот валун на крутом склоне берега Красивой Мечи природным объектом – остатком ледника, пришедшего с гор миллионы лет назад. Эти края были знамениты своей живописной рекой (даже в летописи о Красивой Мече упомянуто!), холмами и выходами скальных пород. Но не только природной красотой славились они. Во

времена язычества здесь было культовое место - археологи нашли в соседнем овраге камни, похожие на жертвенники. Вокруг валуна совершали обрядовое «опахивание», чтобы защитить скот от болезней. Местные жители верят, что камень обладает магической силой. Женщины приходят к нему по сей день просить о рождении детей.

Там, у камня, Ак-Кадын и нашла ребенка. Боясь потревожить малютку, Душа Ледяной девы свернулась мягким невесомым калачиком внутри нее. Отныне Алтайская ведунья будет питать и наполнять это крошечное тело своей неутомимой энергией горных рек.

На рассвете, перед службой, отправилась в свое еженедельное паломничество к Коню-камню бездетная жительница села Козье. Батюшка ругал ее за пустые суеверия, но разве кто остановит женщину в ее стремлении стать матерью? Может быть, христианский бог услышал ее многочасовые молитвы под высоким деревянным сводом Пожилинского храма Димитрия Солунского, или смилостивились древние боги язычников, но сегодня еще издали она заметила у подножья камня белый кокон. Крестьянка развернула пеленки - что за чудо такое - девочка, живая? Удивительно: малышка не плакала, а замороженно смотрела на небо, где прямо над ней, словно завесу, расправила белые крылья с черным оперением большая птица.

Появившаяся на свет в 1917-м, маленькая Маша не подзревала, что она найденыш. Но вот что она знала точно, это

то, что внутри нее жила Душа. Были они неразлучны, как легкие и воздух. Вспахать землю с помощью соседской лошаденки, засеять свои десять соток картошкой, затем три месяца нескончаемых заготовок и закруток на зиму - Маше все было по силам. А потом - долгое ожидание лета в приземистой избушке-мазанке на переднем крае села за триста верст от Москвы, где зима припечатывает тяжелую дверь своими сугробами четыре месяца в году.

Многие уходили работать на оружейные заводы и угледобывающие предприятия области, а мобилизация первой мировой забрала из деревень последних крепких мужиков. Отлихорадили революционные годы, сжигая иллюзии и надежды взрослых обитателей деревни, оставляя шрамы мужчинам и не принося облегчения женщинам от тяжелого крестьянского труда. С ранних лет Маше приходилось работать на земле, но девочка никогда не плакала, и никому не жаловалась.

Пожилино было родовым именем Алексея Ираклиевича Лёвшина, одного из основателей Русского географического общества. После революции 1917-го в здании усадьбы Левшиных была организована школа, куда каждое утро пешком за пять километров отправлялась маленькая Маша. Рядом со школой стоял дом середины XIX века, где жили учителя. Там девочка иногда тихонько дожидалась работающую на церковном складе мать. (Козье было в часе ходьбы от Пожилино, и возвращаться в сумерках одной Маше не разре-

шалось).

Когда-то Левшина называли «Геродотом казахских степей». Он написал фундаментальный трехтомник *«Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей»*. Поскольку казахи кочевали на огромных территориях от Каспия до Алтая, его работа охватывала и восточные регионы, включая предгорья Алтая. Как один из 17 основателей Русского географического общества, Лёвшин курировал и снаряжал экспедиции по всей империи, включая Алтай. Он анализировал отчеты исследователей, в том числе труды Василия Васильевича Радлова, российского востоковеда-тюрколога, археолога и этнографа. В бытность свою учителем гимназии в Барнауле, он совершил десятки экспедиций по Алтаю. Именно он в 1865 году первым применил научный подход к раскопкам алтайских курганов (Берель и Катунь). Он заметил, что под каменной насыпью сохраняется мерзлота, которая «консервирует» органику — дерево, кожу и ткани. Благодаря Радлову археологи узнали, что у древних тюрков была своя письменность, а алтайские курганы хранят сокровища мирового уровня. Это открытие позже позволило Руденко найти пазырыкские мумии.

Простая деревенская девчонка, Маша ничего не знала о трудах бывшего владельца усадьбы и его коллег по географическому обществу. Не слыхала она и о раскопках пазырыкских курганов под руководством Руденко, происходящих в то самое время на Алтае. И все же, ее отчего то влекли пы-

лившиеся на полках чудом уцелевшей дворянской библиотеки книги о далеких кочевниках. Слетая с пожелтевших страниц, всадники былых времен звали ее прокатиться по Чуйскому тракту в чудесную страну Беловодье. И какая-то ниточка внутри Марии тесно связывала ее - никогда не покидавшую родного села - с кочевым народом.

Шли годы. В здании храма Димитрия Солунского, где когда-то молилась, а потом охраняла колхозное зерно ее приемная мать, теперь устроили клуб. Там на танцах шестнадцатилетняя Мария и встретила Ивана, который был годом старше. Машинным мечтам о дальних странствиях не суждено было сбыться. Она вышла замуж, как того хотели ее приемные родители. Она стала матерью - этого от нее требовала природа. А потом была война и новая мобилизация.

Мария осталась одна с малолетними детьми на руках. Она не думала постичь Бога, но свято хранила все дарованные ей жизни – так велела ее Душа. Маша воспитала шестерых детей, пять из которых – провели с ней несколько месяцев в погребе почти без света и еды. Там они жили зимой 41-го, в буквальном смысле, под немцами.

Фашисты заняли их дом, А Мария с детьми переселились в подвал. Спали на мешках картошки, собранной неутомимыми Машиними руками той осенью, ею же и питались. Иногда из жалости, скучающий по своим детям немецкий солдат делился с ними остатками консервов. Так и выжили. По весне они вернулись из погреба в свой дом. Словно впер-

вые, Мария увидела непривычно залитую светом (в подвал он едва пробивался) и совершенно пустую горницу - чтобы пережить русский холод, немцы сожгли в печи всю мебель.

Оккупация закончилась, вскоре в деревню вошли советские войска. Летом 1945-го, почти ослепший и без ноги, вернулся Иван. А через год родилась Люся. Она отличалась от других мальчиков и девочек – детей войны, которые помнили тот темный подвал. Люся, дитя света и надежды на совсем другое будущее, не боялась ничего.

“Ты должна учиться,” Мария шептала по ночам в ушко девочки. Твое предназначение – идти дальше.”

Глава 3

Люся

Ее звали Людмила, милая людям. «Люся – светлая голова», говорили учителя. От Марии в наследство Люсе достался несгибаемый характер, а душа Алтайской ведуньи наградила ее неутолимой жадой познания.

Вот она – десятилетняя девочка с двумя гладкими косичками на прямой пробор, в коричневой школьной форме. Со стопкой книг в руках, Люся сидит за занавеской на подоконнике. Выпас коз, главного богатства и источника пропитания семьи, доверен остальным детям. Все знают: можно потянуть занавеску и найти ее, младшую, но никто не осмеливается. Люсе можно отлынивать от хозяйственных дел.

На дворе 1956-й. Сталин умер три года назад. Колхозники теперь могли получать паспорта и уезжать в город – работать и учиться, но по большей части они оставались малограмотными с тремя классами образования: в Козьем работала только начальная школа. Путь в соседние села или район-центр для желающих учиться дальше был не близким.

Основная часть населения Козьего была занята на колхозных полях и пастбищах. Люся же задалась целью уехать из деревни. Всему виной была Пожилинская школа, куда после

начальной школы в Козьем попала отличница Люся. Массивные стены старой кладки резко отличались от типовых советских времянок из силикатного кирпича. Дух дворянской усадьбы XIX века сохранялся в стенах школы, делая ее районным центром просвещения и привлекая лучших учителей. От них она узнала о высотном храме науки на Ленинских горах – новом здании Московского Университета – и вознамерилась туда попасть.

Люся рано начала задавать неудобные вопросы, ставя под сомнение существующий порядок вещей. Кто решает, кому принадлежит знание, и какие знания считать верными? Почему девочки учатся лучше, но мальчики позволяют себе говорить громче и увереннее, как только мышечная масса и тестостерон дают им ложное представление о себе, как венце творения? Почему хромосомный набор XY доминирует над комбинацией XX? И почему вдруг она, единственная в семье русоволосых и сероглазых туляков, уродилась смуглянкой с царапающим взглядом чуть раскосых, угольно-черных глаз?

По ночам, когда Люся засыпала, перед ее глазами вставляли леса странно прекрасных формул; скручиваясь по спирали, вились гроздья ДНК. Материнские и отцовские аллели уступали, доминировали, кружились в парах.

Как вы наверно догадались, любимым школьным пред-

метом девочки была биология. На формирование у Люси интереса к этой науке сильно повлияла книга Менделя, которую среди прочих трофеев отец Иван непонятно почему привез с войны. Под лампочкой Ильича (в село только что пришла электрификация) Люся вечерами штудировала труд австрийского основоположника генетики (благо немецкий тогда преподавали повсеместно, а где было сложно разоб- рать, настырной школьнице помогала с переводами учительница).

У Люси было собственное приусадебное хозяйство, где она с энтузиазмом повторяла опыты Менделя с горохом. Представитель семейства бобовых был идеальным подопытным: он быстро рос, занимал мало места, мог опылять сам себя, но также его можно было опылять с помощью кисточки.

По примеру Менделя Люся сначала следила, чтобы растения опыляли только сами себя и у каждого поколения гороха были одни и те же черты: высота кустов, окраска цветков, форма горошин. Потом она стала скрещивать непохожие ку- сты. Если бы была верна гипотеза о том, что в потомках сме- шиваются черты родителей, то гибрид высокого и низкого горошка был бы среднего размера, а гибрид зелёного и жёл- того обладал бы промежуточным цветом. Но во втором по- колении горох напоминал только одного родителя.

Тогда Люся стала скрещивать получившиеся гибриды — и потерявшиеся во втором поколении черты вернулись. Например, у исходных кустов с гладкими горошинами и кустов с морщинистыми получилось исключительно «гладкое» потомство, но примерно четверть «внуков» оказалась морщинистой. В

в третьем поколении растения разделились уже на четыре типа. При этом скрытый признак внезапно «выскочил» снова в пропорции 1:3 к доминантному.

Увлечение Люси весьма одобрял проживающий по соседству сельский агроном. Он уважительно относился к законам Менделя о наследственности, ведь они помогали выводить новые сорта пшеницы, у которых гены устойчивости (например, к кислотности почвы или избытку известняка) являлись доминантными. Люсе же эти законы помогли с путевкой в жизнь.

В советское время, особенно в 1950–1970-е годы, была распространена практика выдачи колхозных путевок на учебу. Колхоз имени Ильича тоже был заинтересован в собственных специалистах. Кто-то из жителей села Козье уезжал учиться по направлению от колхоза в Педагогический или Тульский сельскохозяйственный институт. Абитуриенты с направлением от колхоза шли по отдельному конкурсу. Это значительно упрощало поступление в престижные вузы,

так как проходной балл для «целевиков» был ниже, чем для городских ребят.

Летом 1964-го на общем собрании правления колхоза имени Ильича случилось событие, перевернувшее судьбу Люси: По рекомендации агронома Тихона Алексеевича ей, выпускнице Пожилинской школы, выдали официальное направление на Биолого-почвенный факультет МГУ, который как раз начал принимать ребят «от земли», так как считалось, что они лучше понимают практику сельского хозяйства.

И вот уже Люся, нервно сжимая в руках традиционную стопку книг, с тревогой заглядывает в списки о зачислении в здании знаменитой высотки на Ленинских горах. Ее, золотую медалистку из сельской школы, приняли в Московский Государственный Университет имени Ломоносова!

Попав в МГУ в середине 60-х, Люся стала свидетельницей больших перемен на факультете. Кафедра генетики и селекции находилась в процессе «реабилитации» - она потеряла приставку «Мичуринская», а после отставки Никиты Хрущева был снят с поста заведующего Лысенко, считавший генетику «лженаукой». Начался стремительный процесс возвращения классической генетики в учебные планы. И тут Люсе опять повезло: до 1973 года биологи и почвоведы про-

должали учиться вместе, и помимо геоботаники, биохимии растений и ее применения в сельском хозяйстве, ей оказалась доступна и фундаментальная наука с ее новейшими молекулярными подходами.

На биофаке Люся изучала цитогенетику. Девушка научилась ювелирной работе с микроскопом и приготовлению цитологических препаратов. Говорили, что у нее хромосомы в окуляре выстраивались в идеальный ряд. Темой диплома она выбрала «Экспериментальный мутагенез: как различные факторы (химические вещества, радиация) вызывают наследственные изменения». Тема звучала многообещающе для селекции — создания новых сортов растений с заданными свойствами. Но вернуться в родной колхоз с целью применить знания на практике Люсе не пришлось.

Учеба на биофаке в 60-70-е включала в себя не только лекции, но и уникальную «полевую» культуру. Активно развивались Ботанический сад на Воробьевых горах и Звенигородская биостанция. Летние практики для студентов были временем не только сбора гербариев, но и формирования особого «биологического братства» с песнями у костра и неформальным общением с профессорами. Выезжали студенты и сотрудники в экспедиции в самые отдаленные уголки СССР — от пустынь Средней Азии и заповедников Дальнего Востока до Белого моря, где в шестидесятых была со-

здана Беломорская биологическая станция (ББС).

Заинтересовавшись цитогенетикой, Люся мечтала об экспедиции на Белое море с целью изучения флоры северных районов. Северные виды растений часто имеют уникальные механизмы адаптации, которые отражаются на структуре их хромосом. Летом 1966-го года она отправилась в стройотряд Н.А. Перцова на ББС и прикипела к этому человеку и к этому месту всей душой.

Поездка на Белое море была возможностью уйти от «стерильной» лабораторной генетики (где есть только пробирки) в настоящую эволюционную генетику. Там можно было увидеть, как наследственность помогает растениям и животным выживать в экстремальных условиях приливов и отливов, ледяной воды и короткого лета.

Однажды ей так сильно не захотелось уезжать с биостанции, что Николай Андреевич не устоял и принял ее на работу. На пилораму, в качестве плотника! Сегодня старую мебель на биостанции найти уже трудно, но если она где-то еще сохранилась, то, наверняка, помнит Люсины руки, поскольку основной ее задачей был вековечный ремонт старых тумбочек, шкафчиков, полок...

Должность была незначительная, но суть не в этом: теперь стало возможным не расставаться с любимым Севером, бродить по тайге, сливаясь с северной природой, по которой

непостижимо тосковала ее душа. Уйдя в академический отпуск и задержавшись на станции, Люся принялась облагораживать ботанический сад, до этого запущенный. Ей хотелось, чтобы он стал не клумбой, а коллекцией северных растений, которые она собирала вблизи станции и в горах Хибинах.

На основе лесоустроительной карты Люся сделала новую карту растительности, для которой ею был исхожен весь полуостров Киндо, где расположилась биостанция. Потом девушка занялась изучением растительности островов и организовала несколько экспедиций на Кузокоцкий архипелаг, остров Великий. Она обратила внимание на то, что старые бревна, которые приплыли по морю во времена лесосплава, теперь лежат в десятках метров от кромки воды — сказывается быстрый подъем берега, и эти бревна стали основой нового растительного сообщества.

В одной из таких мини-экспедиций собирая гидробионты, водоросли - фукусы, Люся познакомилась с другим студентом-практикантом, охотившимся за необычными ракообразными – морскими желудями, и улитками. Открывая для себя новый мир, где каждая гора и обрыв оказались результатом многочисленных землетрясений, которые некогда сотрясали северные земли, они нашли на гранитном островке - луде - Медвежьей участок со следами одного из самых недавних

землетрясений. Ныне о нем знают практически все, туда организуют студенческие экскурсии.

Молодой человек специализировался на генетике популяций. Изолированные популяции на островах (лудах) в губах Кандалакшского залива служили идеальным полигоном для изучения дрейфа генов и микроэволюции. Он приехал на ББС, чтобы собрать материал по полиморфизму (разнообразие признаков) морских улиток-литорин.

Они разговаривали ночами напролет обо всем подряд, например, о модном тогда на Биофаке представлении о клетке как высокотехнологичном мегаполисе. Это был целый клеточный мир с его стальным каркасом, заводами, и кладовыми. По микротрубочкам там шагали белки-канатоходцы - «Кинезины» и «Динеины» - (транспортные белки-строители), марширующих по специально построенным организмом мостикам, спешащим туда, где нужно достроить или починить поломанные клетки. Их «тела» были обмотаны цепями», а к хвостам прикреплены ценнейшие микро-грузы.

Такое «инженерное» видение клетки перекликалось со снами Люси, которые она видела в детстве. На Биостанции родилась их дочь Ксения. Люся была счастлива, со всей энергией молодости сочетая материнство с исследовательской работой. Ей казалось, она была на пороге захватывающих открытий. Но вскоре все изменилось...

Люся долгое время думала, что просто ушиблась на пило-

раме, слишком рьяно исполняя обязанности плотника, или застудилась в поисках новых растений для цитологического анализа. Как шутили на станции, «биолог сам себе и аптека, и госпиталь»⁵¹. Вот и Люся - молодая, деревенская девчонка - долгое время отмахивалась от саднящей боли в груди и занималась самолечением. Но фельдшер в соседнем поселке Пояконда посоветовал как можно скорее поехать обследоваться в Кандалакшу, Мурманск или даже в Москву.

В те годы бурно развивались радиационная генетика и мутагенез. Исследовалось влияние ионизирующего излучения и химических веществ на наследственность, а полярные регионы рассматривались как уникальные площадки для мониторинга природного радиационного фона. Студенты могли исследовать частоту спонтанных мутаций у северных видов (например, у тех же моллюсков на лудах) в сравнении с популяциями средней полосы. Не думала Люся, что теперь подопытной станет она сама.

Люсе пришлось покинуть любимую биостанцию и навсегда расстаться с Севером. Вместе с мужем они вернулись в Москву и поселились в пригороде, рядом со Звенигородской биостанцией, где он продолжил работу, а Люся с дочкой, в перерывах между сессиями химиотерапии, принялась изучать новые места в окрестностях заповедника. И находила для себя много интересного, нового, достойного пристального изучения. Возле дома в огорожке посадила расте-

¹ Из рассказов Вадима Федорова, профессора биофака и писателя

ния, привезенные из ботанического сада ББС. И продолжала жить, как привыкла. По Беломорской биостанции, конечно, сучала. В звенигородской квартире на самой большой стене она нарисовала пейзаж, точно такой, какой каждый день видела из окна на ББС.

Но здоровье уходило. К несчастью, Люся знала, что ее белкам-канатоходцам уже не починить – в ее клеточном мире шла война с гадкими раковыми клетками, и воины-динеины уже проигрывали. Алтайская ведунья передала ей не только жажду к познанию природы всех вещей, но и смертельную болезнь.

Последние месяцы Люся провела в больнице, откуда иногда звонила бывшим коллегам и расспрашивала о биостанции. Мечтала окрепнуть и снова побывать на Севере. В ее глазах до последнего светился такой ясный блеск, какой бывает солнечным зимним утром. Люся не боялась смерти, она знала, что жизнь продолжается. “Меня не станет, но у тебя есть Душа, и ты должна нести в мир знания, которые она открывает тебе,” – говорила она испуганной дочке.

Глава 4

III . Детство Ксении

Восьмидесятые года двадцатого века, где-то под Звенигородом.

Помню себя четырехлетней. Мать вяжет, а я разматываю клубок, словно держусь за крепкую ниточку, тесно связывающую нас. Ниточка тянется от бабушки Маши: у нее в деревне есть козы, и она присылает нам пряжу из козьей шерсти. Это теперь Мама Люся все больше сидит дома и вяжет, а раньше она ходила в Университет и ездила на далекое Белое Море изучать разные растения. Она даже мне показывала в микроскоп, как растения устроены на самом деле. Потом я эти листики и цветочки закапываю в саду под кустами малины, прикрывая разноцветными стеклышками. Свои «секретки» я никому не показываю. Я жду лета, когда мы с мамой будем собирать ягоды для моего любимого малинового варенья, вот тогда-то она найдет мои «научные эксперименты» и будет мною гордиться.

Папа с мамой рассказывают, что нашли меня под кустом морошки еще там, на Севере, я им не очень верю, но на всякий случай прячу свои секретки в саду среди ягод, вдруг

мама выздоровеет, и они решат поискать мне сестричку. Папа теперь работает здесь, на Звенигородской биостанции, а мы с мамой вяжем, рисуем, учимся считать и читать ... Больше всего мне нравится писать буквы. Я пишу левой рукой, как тот мастер, что блоху подковал – про него мне мама читала. Он тоже из тульских, как баба Маша. Только я не люблю блох, лучше уж складывать из букв слова на бумаге.

Я люблю прятаться на «подоконнике» (было ужасно жалко узнать потом в школе, что на самом деле надо говорить «подоконник»). В моем варианте гораздо звонче и интереснее: как колокольчики, что распускаются по весне, или как околица, отделяющая наш заповедник от большого мира.

Я просиживаю в своем укрытии часами, сочиняя и записывая в блокнот все что придет в голову, старательно выводя каракули левой рукой. Скоро я пойду в школу, и там меня заставят переучиваться – оказывается, писать надо только правой рукой. Магия букв отчего-то сразу рассеивается. Но дома я по-прежнему пишу левой, как будто моей рукой водит мать, передает что-то. Словно она не в больнице, а где-то высоко на волшебной горе, в заоблачном мире, а душа ее спустилась ко мне по невидимой ниточке, оберегает и направляет свою дочь...

Мне только что исполнилось семь. Вот мы с папой соби-

раемся на собеседование в школу.

- Ты должна прочесть какое-нибудь стихотворение, Ксения.

- Хорошо, - отвечаю я и начинаю:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,

И руки особенно тонки, колени обняв.

Послушай: далеко, далеко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,

И шкуру его украшает волшебный узор,

С которым равняться осмелится только луна,

Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,

И бег его плавен, как радостный птичий полет.

Я знаю, что много чудесного видит земля,

Когда на закате он в мраморный грот идет.

- Давай что-то повеселее, - умоляет папа.

- Ну что-ты, там дальше веселое, - отвечаю я и продолжаю:

Я знаю веселые сказки таинственных стран

Про черную деву, про страсть молодого вождя,

*Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.*

*И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немислимых трав...
Ты плачешь? Послушай...*

Папа молчит и украдкой смахивая толи пот, толи слезу, быстро отводит взгляд. Стоит августовская жара.

- Ладно, читай про свой Чад, раз так припекло, - усмехается он. Мы садимся на автобус и едем в школу.

Директрисе стихи понравились, и меня приняли. А потом наша школа неожиданно стала английской, и я стала разучивать “The rain in Spain stays mainly on the plain” и “London is the capital of Great Britain”. Так по воле случая определилась моя международная карьера.

Держаться на плаву

Дорогу осилит идущий – русская пословица.

The only way out is through. (Apparently, it is very similar in English too.)

Мне скоро восемь лет. Я люблю учиться, пишу стихи, иг-

раю на скрипке, хоть у меня и не очень получается, но так она хотела... Все что я делаю — это ради мамы, чтобы она там гордилась, в память о ней.

В данный момент я учусь плавать. Мама мне ни за что не разрешила бы самой — она всегда боялась, что я заболею или что-нибудь себе сломаю. Но теперь в деревне за меня никто так сильно не волнуется. Мягкое солнце пригревает мои торчащие из воды плечи. Я хожу на руках по речному дну, изо всех сил пытаюсь оттолкнуться от крутого берега Красивой Мечи.

Вообще-то я городской ребенок. Отец сейчас руководит летней полевой практикой на Звенигородской Биостанции, а мама умерла. Так что вот я, на каникулах в деревне Козье у бабушки Маши, по большей части предоставлена самой себе, учусь держаться на плаву. Времени у меня на это вагон и маленькая тележка — каникулы только начались, и никакой учитель по плаванию тут ни к чему (да и не по карману нам), только я да река. Сначала одна рука, потом другая, пытаюсь поймать баланс и не наглотаться мутноватой речной воды (Эх, махнуть бы сейчас на Черное море, как позапрошлым летом, когда родителям дали путевку в Судак!). Но мечты пока в сторону: с каждым шагом чуть дальше от берега, и, наконец, ложусь на воду и растворяюсь в Красивой Мече.

Бабушка Маша сухонькая, чуть сгорбленная старушка; живет она, в прочем, совершенно самостоятельно управляясь со своим немудреным хозяйством и оравой внуков. Три месяца в году посменно, внуки наводняют бабушкины полгектара, десять соток из которых по-прежнему засеяны картошкой, которая так долго помогала Маше и ее семье выжить.

Бабушка меня нежностью не балует:

- Мать твоя была красавица - кровь с молоком, в кого же ты такой заморыш, Ксения? – вздыхает она, оглядывая неодобрительно мои костлявые ребра под прилипшим купальником.

В прочем, вряд ли она хочет задеть меня. Худая и бледная, по ее мнению, я не сдюжила бы, выпади на мою долю то, что пережила сама Маша зимой сорок первого в погребе под немцами.

Баба Маша все время пытается откормить меня. С утра на столе блины с домашним молоком и густой сметаной (Да, моя семидесяти лет с хвостиком бабуля, помимо коз и внуков держала еще и корову, которую вставала доить засветло).

Бабушка не многословна. Каждую ночь она молится на коленях в красном углу избы.

- Гагарин летал в Космос и Бога там не видел, тоненьким голосочком подначивает пионерка Ксения бабушку.

- Много ты знаешь, отмахивается от непрошенного комментария юной атеистки бабушка.

На дворе 1989-й год. Страна, в которой мы живем, по-прежнему называется Советский Союз. Бога нет – так учат в школе. И все же суровая, молчаливая Мария продолжает упрямо молиться, не забывая, в прочем, истово любить своих разговорчивых внуков, не забывая потчевать их дарами приусадебного участка. Ну а я учусь у бабушки никогда не жаловаться и держаться на плаву.

Глава 5

Школа

«Пигалица» - так меня часто называли в детстве. А я не обижалась: больше всего на свете мне хотелось тогда улететь далеко-далеко, как птица. Почти каждую ночь я легко отталкивалась ногами от пола и парила – над своей комнатой, над нашим спальным районом, над бабушкиным домом в деревне. Еще немного и я взлечу – как на торжественной линейке первого сентября, когда меня, самую шуплую из первоклашек, но заметную благодаря огромным бантам, легко подхватил и понес долговязый десятиклассник. Вот как я воспарила! Таким был мой первый звонок, подаривший пронзительную и оглушающую радость полета.

В школе я встретила ее, и звалась она как прекрасный цветок - Лилия. Между нами не было кровного родства. Воином света она была, ненадолго вставшим на место павшей матери моей. Ее участие в моей судьбе стало спасением. Моя первая учительница была человеком легким и, помимо знаний, щедро дарила нам свою энергию, любовь и звонкий смех. Веснушчатая выпускница пединститута легко и непринужденно боролась с моими детскими страхами и комплексами. Благодаря ей я задвинула грусть в дальний ящик моего внутрен-

него хранилища, а потом и вовсе закинула на чердак воспоминаний.

Ковалева Лилия Михайловна, сокращенно КЛМ, постоянно выписывала мне грамоты – за отличную учебу, за поведение, за участие в концертах. И в пионеры с ее подачи меня приняли в первую очередь, аж на Красной Площади. Все ради робкой улыбки рано осиротевшей чужой крохи.

Так я стала отличницей.

- Ксень, давай я тебя нарисую – сказала она однажды, появившись без предупреждения на пороге нашего дома со свернутым в трубочку холстом и коробкой пастели.

КЛМ частенько забегала к нам после проверки тетрадей, так что никто не удивился. Мой попугай Кирюша, скорее всего даже обрадовался: перед приходом Лилии Михайловны я прилежно упражнялась в игре на скрипке, но была чужда таким условиям, как соблюдение тональности. Бедный попугай забился за диван и орал оттуда птичьим матом, осуждая какофонию, так что звонок в дверь ему, очевидно, показался райским вестником.

- Меня, а зачем? – неуверенно ответила я, а в душе слегка шевельнулось тщеславие: «я особенная, раз с меня уже и

портреты пишут!»!

Было немножко страшно: сама я рисовала из рук вон плохо, так что переживала, что получусь несчастной уродиной. КЛМ отмела мои сомнения и, усадив меня на стул в зале, нашей самой светлой комнате, взялась за дело немедленно. Девушка - цветок Лилия, воин света в прозрачных доспехах из легкости бытия умело орудовала цветными мелками.

- Лиль Михална, вот у вас какое имя красивое, а каким цветком была бы я?

- Ксень, каким пожелаешь, сама решай, - ответила та, задумчиво водя мелком по холсту.

- Тогда я буду одуванчиком. А знаете почему?

- Ну, скажи?

- Потому что я как в мультике: «Такие толстые щеки, на таком тоненьком стебельке».

- Подожди, ветер переменится и улетят твои щеки, - и мы обе прыснули со смеху.

Положа руку на сердце, все это слегка смахивало на портрет Дориана Грея: моя покорёженная потерей матери детская душа с надеждой смотрела на холст учительницы, где в

радужных тонах отчетливо вырисовывался новый фасад из куража и надежды.

Так я стала красоткой.

Если бабушка научила меня следовать долгу и оставаться на плаву вопреки невзгодам, то школьная фея-крестная научила меня летать (не даром же она была КЛМ, хотя в те времена название этой авиакомпании я и слыхом не слыхивала). Как бы то ни было, удача подхватила меня под крыло и школьные годы чудесные пролетели с ветерком.

«Хочу жить весело и красиво», - дерзко выпалила я на выпускном, глядя в упор на не одобряющие подобную вольность лица чопорных школьных матрон. И только КЛМ, хитро подмигнув, послала мне воздушный поцелуй.

Глава 6

III.3. Про моря и реки

Говорят, на небе только и разговоров что о море.^{1 2}

Мое раннее детство прошло у холодного Белого моря, которого я не помню. Навсегда со мной останется совсем другое – теплое Черное, где я впервые очутилась еще при жизни матери, и куда потом десять лет подряд верноподданически возил меня отец после того, как ее не стало. Вот оно лежит передо мной – бескрайний сгусток энергии, бездонный источник безмятежного и безусловного счастья, прибежище всех неприкаянных душ. Из любой точки планеты ты всегда можешь вернуться сюда, на пляж своего детства, в колыбель всего человечества, ведь не только Афродита вышла из пены морской.

Сначала мы с папой долго ехали на знаменитом поезде №2 «Крым». Дорога по маршруту Москва – Симферополь занимала около 22–26 часов. Потом мы пересаживались на рейсовый автобус до Курортного. Это было испытанием не для слабонервных. В советских автобусах не было кондиционеров (только открытые люки и форточки). В салоне пахло бен-

² Из фильма «Достучаться до небес, 1997.

зином и пылью, а на затяжных спусках — жжеными тормозными колодками. Самое интересное начиналось после города Старый Крым, в селе Грушевка. Здесь автобус сворачивал с основной трассы на юг, в сторону моря. Вот тут и начиналась настоящая «горная» часть: дорога становилась узкой и извилистой. Советские автобусы ПАЗики натужно ревели на подъемах. Пассажиров, непривычных к горам, часто укачивало. Меня рвало беспрерывно, так что папе сочувствовал весь автобус.

Все эти турбулентные для меня серпантины с лихвой компенсировал спуск к морю: Самый захватывающий момент — преодоление последнего перевала перед Щебетовкой. Когда автобус начинал спускаться, перед глазами внезапно открывалась панорама на гору Кара-Даг и Долину Скифов. Свое название долина, где дикая крымская степь встречалась с лесистыми горами, получила из-за близости к историческим путям кочевников.

Финальный отрезок от Щебетовки до Курортного — это узкий спуск вниз по дну долины, зажатой между отрогами Кара-Дага и горой Эчки-Даг. Когда после часа петляния по горам автобус наконец вырвался к виноградникам Щебетовки и горизонт залила морская синева, весь салон восторженно выдохнул: «Приехали!»

Перед нами во всей своей красе предстал один из самых живописных пляжей в Крыму. Прямо над ним нависал ве-

личественный вулканический массив Кара-Дага, отражаясь в чистейшей благодаря галечному пляжу и совершенно прозрачной воде. Впереди у нас с отцом было 4 недели безмятежного отдыха.

Рядом находилась и Карадагская биостанция, там работал папин старый приятель. Загорев как индейцы, просолившись, как морские волки и излазив все эко-тропы по заповеднику, мы решили сбежать ненадолго из слишком горячих объятий южного солнца и навеститься в гости. Бывший папин коллега напоил нас чаем из душистых крымских трав, а еще одолжил нам машину!

По Южнобережному шоссе мы отправились в Ялту. Почему-то в городе мне запомнились лишь кислый запах кипарисов и фото-колесница богини правосудия, в образе которой предлагали запечатлеть туристов женского пола. А потом нас накрыло настоящие тропическим ливнем, под которым мы долго бежали с отцом до парковки.

Расплата за побег с моря раньше отмеренных папиным профсоюзом 24-х календарных дней не заставила себя ждать. Впервые я так тяжело заболела. Горло и грудь жгло как каленым железом, а от температуры я, то проваливалась в поток разных видений, ты выныривала из него. Однажды мне почудилось, что над нашими горами распростерла крылья огромная красная птица с хищным клювом.

- Ну вот, уже и стервятники слетаются, - обреченно-пафосно изрекла я.

- Бедный ребенок бредит! – встрепенулась жена папиного приятеля, настоявшая на том, чтобы забрать меня с базы отдыха к себе на время болезни, так как там не было условий, по ее мнению, для моего скорейшего выздоровления.

- Ксенечка, наконец-то ты проснулась. Что тебе приснилось? – обеспокоился папа.

Я как могла описала что видела, и даже, вооружившись листочком и карандашом,

изобразила чудную птицу, которая словно обнимала меня своими крыльями.

- Ну, если юный художник верно передал сходство, то это грифон! – удивленно протянул папа. - Где же ты его увидела?

- Разве вы его не видите, здесь, прямо над нами, над Кара Дагом? – закричала я и без сил упала обратно на подушки.

Из небытия меня позвал чей-то одновременно чужой и знакомый голос. Я открыла глаза: стояла темная крымская ночь, папы не было в комнате. Вдруг, каким-то внутренним

зрением, я увидела Ее. Я было поднялась и уже открыла рот, чтобы позвать на помощь, но тут она остановила меня успокаивающим жестом руки, на которой в лунном свете блеснула татуировка мифической птицы, той самой, что я видела во сне.

- Не бойся, Ксения. - Меня зовут Кадын, я твоя хранительница. Я пришла рассказать тебе сказку о Луноликой матери и о ее девах-воинах.

- Я люблю сказки, только мне их давно никто не рассказывал.

- В мире духов теперь живу я, - продолжила прекрасная незнакомка, - но когда-то и у меня были отец, дом и другое имя. Госпожой Кадын стала я по воле Луноликой матери, а раньше звалась я Аль-Аштарой, или красным цветком на языке моего народа. Была я дочерью царя и забот не знала. Но пришло время посвящения, что все девочки в нашем стане проходили, и выбор духов пал на меня. Стала я отныне хранительницей недоступной людям силы, воином Луноликой богини. Научила она меня духов призывать, дабы врага побеждать. Только сила моя была не в том, чтобы на поле битвы мечом махать, а совсем иная: сделалась я легкой как перышко, и могу теперь путешествовать между мирами, да секреты каждого человека или духа проведать, и тем полез-

ной своему люду быть. С тех пор и храню много веков это знание. Мы корень людской, если сгинет наш народ, хватит одной из нас, чтобы заново людей возродить и обучить всему.

- Скажи, а сколько тебе лет? И раз ты везде летаешь, не встречала ли ты на небе мою маму?

- Лет мне и много, и мало, в каждом мире по-своему. А мама твоя тоже из нашего воинства была. Свет знаний нести было призвание ее. Когда заболело ее тело, Луноликая госпожа в свои чертоги взяла твою мать, чтобы душу сохранить. Если будет тебе нужен ее совет, посмотри на небо, и путеводной звездой обернется она, укажет, как поступить.

- Скажи, дева-госпожа, а я скоро научусь летать по небу?

- Твое время еще не пришло, Ксения. Плавай в земных водах, девочка, а уж мы с твоей мамой будем присматривать сверху, чтобы ветра были попутными и солнце ласковым. Не забывай же о девах-воинах, когда подрастешь, - завещала мне Ак-Кадын. Тогда и сама сможешь стать одной из них.

Голос ночной посетительницы журчал как ручеек, а потом обратился бурной рекой. На меня волнами накатывал глубокий сон; я отчаянно сопротивлялась ему – так не хотелось

расставаться с этой чудо-девой.

- Не бойся, я буду рядом, - сказала Кадын.

Тут мы обратились двумя золотыми рыбками, и мощный поток поглотил нас. Не знала я, что можно так в другие тела запрыгивать! Весело разрезая воду плавниками, неслись мы против течения белой реки. Русло ее прорезало бескрайние степи. Так широка и длинна была эта река, что мимо проплывали островки суши, а через какое-то время по берегам ее стали вырастать величественные горы. Я выбилась их сил.

- Потерпи немного, мы уже почти добрались, - вновь услышала я журчащий голос Кадын. — Это - Госпожа-река Катунь, сестра моя, а начало свое берет она у волшебной горы Белуха, где духи живут, и я здесь родилась – недалеко, в предгорье. Туда мы и держим путь.

Туманом окутало берега Катунь. Вынырнули мы из воды, обернулись людьми, голод и жажду почувствовали. На другом берегу коровы мычали, да петухи кричали, да только как попасть туда теперь?

- Не бойся, - отвечала моим мыслям Ак-Кадын. Кто безгрешен, тот пройдет. Как по мановению волшебной палочки, ощутились мы на другом берегу. Перед нами во всей красе

предстала лесистая гора, манящая неведомыми огоньками. На склоне ее, в кедровой роще, указала мне моя спутница родник с прозрачной водой.

- Выпей, велела она. - Беловодье дарит животворную энергию, поэтому мы и перенеслись сюда.

Проснулась я совершенно здоровой. На прикроватной тумбочке лежал букетик каких-то красных цветов. Наверное, папа собирал его, пока в ожидании моего выздоровления бродил по горным тропинкам вокруг базы. Натянув купальник, я побежала к морю, и выложила ему все о деве-воине, что видела во сне. Ведь море хранит и не такие секреты.

Глава 7

Юность.

Не святая троица

Я не любила и боялась деревни, где родилась мама. Приступы необъяснимой вселенской тоски настигали меня там. Душа моя неудержимо стремилась ввысь. Желательно вообще в космос. Однако, как стало понятно из предыдущей главы, мои детские мечты не прошли проверку на горных дорогах. Подвел слабый вестибулярный аппарат. Такой вот сбой в кочевнических генах, проиграли они предкам средней полосы. Вверх по вертикали не вышло, но жажда дальних странствий не покидала меня. Моей отдушиной была литература... На вопрос откуда ты родом, я вполне могла бы ответить: «из районной библиотеки». Путешествовать по страницам любимых книг можно было, не покидая дома. Но я выросла, в родных стенах моего иллюзорного мира стало душно и тесно...

Летом в деревню, где был председателем колхоза мамин брат, а батюшкой – Бабы Машин исповедник, нагрянула яркая и шумная толпа во главе с проректором МГИМО по хозяйственной части. Студентов элитного института привезли

на картошку. Хвала Богу и пережиткам советской власти. Раскрепощенные молодые люди в брендовой одежде были красивы и свободны, как небожители. Мне захотелось уйти с этим табором на край света.

Я бросила все силы на изучение иностранных языков, истории, географии. Когда пришло время сделать следующий шаг, альтернативы МГИМО я для себя не увидела. Очень хотелось настоящей яркой жизни, а не призрачных будней серых окраинных многоэтажек.

Однако задача поступить в Московский Государственный Институт Международных Отношений – самый престижный Вуз страны - была не менее трудно осуществимой, чем мечта стать новой Валентиной Терешковой. Начало девяностых: страна развалилась, продукты по карточкам... Мы с отцом еле-еле сводили концы с концами, выживали на бабушкиной картошке и банках с огурцами. Зарплату папе не платят, а бесплатных мест в МГИМО - пятнадцать на весь факультет... Кто бы мог подумать, что именно деревня нам поможет?

Встретились как-то директор колхоза, православный священник, и бестелесная дева-язычница. «Вот так анекдот», - скажете вы, и будете по-своему правы. Но какие времена, такие и ангелы-хранители. Поворотный момент в моей судьбе

случился именно благодаря этой веселой компании. Так тогда и жили: бедно, немного страшно, но весело.

Взялись мои заступники бедную сироту в МГИМО на бюджет пристраивать, на картофельных полях мосты наводить. Дядя - колхозник сажены для проректорской дачи возил, батюшка иконки дарил (тогда среди бывших партработников - проректоров религия снова в моду вошла, куда ж без веры). Бестелесная дева тем временем на своих тонких уровнях «решала», пока мы с профессором Вяземским «Темные Аллеи» обсуждали на вступительном по литературе.

Вообще-то, роль растений в жизни людей до конца не раскрыта, я считаю. Маме горошек путь из деревни в научные лаборатории МГУ показал, бабушку с детьми от голода картошка спасла, меня все тот же овощ в МГИМО устроил (ну и немножко сажены плодово-ягодных).

Так или иначе, оказалась я одним чудесным сентябрьским утром на крутой лестнице главного дипломатического вуза страны.

Глава 8

МЖ

Все самые животрепещущие темы в моем студенчестве обсуждались в курилке у туалета. (О Боги и министры здравоохранения! Куда вы смотрели – молодежь тогда курила безбожно, прямо не выходя из Alma Mater...) Однако, гусары – молчать! А если вас немного ввели в заблуждение буквы *М* и *Ж*, то туалетная тема здесь не уместна. Курил здесь не абы кто, а будущие журналисты-международники.

В бытность мою студенткой МГИМО Факультет МЖ предлагал к изучению три программы: собственно, международную журналистику, связи с общественностью и международный туризм. О последних двух специальностях большинство населения постсоветского пространства и слыхом не слыхивали, так что можно сказать, мои однокурсники стояли у истоков нового мира и дико этим гордились. Но, хотя новые и перспективные «Связи с общественностью» звучали заманчиво, мой выбор пал все же на журналистику. С надеждой на международный туризм по совместительству. Так я доверила факультету МЖ управление двумя моими главными страстями: к путешествиям и словотворчеству.

Женская составляющая факультета сильно превалировала над мужской, и, хотя деканом был мужчина, на МЖ явно царил матриархат, прежде всего благодаря замдекана, прекрасной Елене. Елена Павловна - лектор, доцент и просто сногсшибательно красивая женщина с львиной гривой светлых волос, была одной из знаковых фигур факультета Международной журналистики МГИМО. Её деятельность охватывала как теоретические аспекты филологии, так и практическую подготовку будущих медиаспециалистов. Нам, студентам, она служила не только образчиком профессионализма, но и эталоном безупречного вкуса и стиля.

На своих лекциях и семинарах, Елена Павловна вводила нас, курс за курсом, в профессию, объясняя специфику жанров, методы сбора информации и этические стандарты журналистики. Она учила работать с текстом, чувствовать нюансы стиля и мастерски владеть словом. Её занятия славились строгостью и высокими требованиями к грамотности и логике изложения. При этом, Елена Павловна легко и непринужденно давала нам, неоперившимся еще птенцам, возможность почувствовать себя птицами высокого полета. Сердца наши бешено колотились в груди от ощущения избранности и пьянящей радости бытия. Казалось, все дороги нам были открыты. Душа моя затаилась в ожидании счастья и побед.

На четвертом курсе я заметила у деканата объявление о вакансии в редакции журнала *Cosmopolitan*. Юному поколению читателей не понять хайпа: как можно рассматривать модный журнал в сравнении с серьезными печатными изданиями? Разве работа в глянце вообще достойна будущего журналиста-международника? Однако тогда глянец был окном в новый мир, и читатели раскупали миллионные тиражи журнала в одночасье, чтобы заглянуть в это прекрасное манящее будущее. *Cosmo* стал новым заветом для девчонок моего поколения. Мы свято и истово блюли все заповеди колонок красоты. Каким-то чудом, меня взяли помощником редактора отдела Бьюти. Так в мою жизнь пришел гламур.

Рекламодатели засыпали нас бесплатными образцами продукции. Моя дипломная работа про интеграцию России в международное медийное пространство тоже быстро спорила, подпитанная авторитетом стремительно набиравшего обороты издательского дома и его связями во всемогущей американской медиакорпорации со штаб-квартирой в Нью-Йорке. А тут еще подоспели пресс-туры, куда наводнившие российский рынок западные бренды стали приглашать и меня, младшего редактора. Гонг Конг, Куба Либра... В бешено крутящийся Нью-Йорк с победительницей конкурса Мэйбеллин, в гламурный Париж на конференцию по случаю запуска новой помады Л'Ореаль, где мне сказали, что я удивительно похожа на блондинку в законе Риз Уизерспун ... Ах, не уже-

ли я стану одной из этих прекрасных див с обложек, неужели я всего этого достойна!

Однако, душа моя была не на месте:

- Ксения, мы теряем время, - беспокойно нашептывала она мне по ночам. – Ты топчешься на месте, дальше дорогу надо искать...

- Мы же делаем мир красивее, а красота, как говорится, спасет мир, - пыталась я возражать сонно.

- Не спасла красота твою мать. Не пришло, значит, время красавицам на себя в зеркало любоваться, руки на коленях сложив.

- Я – журналист, пишу о том, что вижу вокруг...

- Значит, Ксения, дальше носа своего ты не видишь. Все это лишь красивые картинки. Полюбовалась и будет. В детстве вон о космосе мечтала, а теперь решила, что будешь всю жизнь бусики туземцам продавать? Не дам я тебе покоя.

Для начала, завтра пойдешь к Прекрасной Елене, и скажешь, что больше не интересуешься развитием глянца в России.

На следующее утро я поймала свою научную руководительницу на лестнице. У Прекрасной Елены был лишь один недостаток: она курила как паровоз. В курилке и состоялся очень важный для меня разговор.

Помимо лекционной нагрузки, Елена Павловна курировала практику студентов и, что немаловажно, международные связи факультета. В начале нулевых в МГИМО стали появляться совместные с европейскими вузами магистерские программы по социально-политической тематике. Еще не понимая, куда меня гонит ветер перемен, и с какими ветряными мельницами предстоит сражаться, я решила подаваться на одну из таких программ.

- Елена Павловна, я хочу сменить тему... - Международный опыт... Журналистская этика... Общественная трансформация...

Прикурив тонкую сигарету, она прищурилась, медленно выпустила дым и спросила:

- Ксения, а ты не пожалеешь? Большинство девчонок позавидовали бы тому, что ты уже имеешь. Защищай диплом и двигайся дальше по карьерной лестнице в Independent Media. Создавай образ независимой женщины будущего. Позиция старшего редактора Бьюти у тебя почти в кармане. А

международный опыт ты можешь получить и в глянце.

- Елена Павловна, - начала я. - Мы продаем девушкам мечты... Мне весело крутиться в этом мире сейчас. Но будет ли глянец так же актуален через пять, десять лет? Смогу ли я писать и на другие темы тоже, если останусь в мире макияжа и фотосессий?

- Чего ты тогда хочешь, куда решила путь держать? – улыbnулась Прекрасная Елена.

- Хочу подать в University College London на Media Studies.
- Что же, выбор не плох. – Это даст тебе понимание работы британской BBC опыт анализа медиа-текстов зарубежной прессы. Ну а уж дальше все зависит от тебя и тех текстов что ты прочтешь и напишешь. - Но имей в виду, готовой программы обмена с ними нет - ты готова все оплачивать сама? Я подозреваю, что сначала нужно будет выиграть грант.

- Елена Павловна, я все поняла. Где брать грант?

- Если пройдешь по квоте Британского Совета, можно попробовать зайти через школу славянских и восточноевропейских исследований - SSEES (School of Slavonic and East European Studies). Они только что вошли в состав UCL, а до этого мы с ними неплохо сотрудничали. – Ищи тему, желательно, что-то социально-политическое и резонансное, а пока отправляйся сдавать IELTS. – Имей в виду, нужно не

меньше семерки.

Сдача очередного экзамена по английскому не сулила больших трудностей студентке МГИМО. А вот над поиском нового тезиса для магистратуры пришлось хорошенько задуматься, дабы убедить Британский Совет в необходимости выдачи мне гранта на обучение в Лондоне. Я знала, что оставляю позади, но понятия не имела, что хочу найти для себя там, в стенах UCL. Сказывалась разница программ: В МГИМО того времени журналистика была более «литературно-центричной», а в UCL — более социологической.

UCL был важным партнером для МГИМО. Студенты магистратуры могли проводить часть обучения в Лондоне, получая доступ к ресурсам библиотеки UCL, которая до сих пор считается одной из лучших в мире по социально-политической тематике. На рубеже веков ценились исследовательские проекты, посвященные трансформации постсоветского пространства. Такие программы финансировались через британские академические фонды. Чего же жаждала неприкаянная душа девы-воина, гнавшая меня вперед, какое тайное знание желала обрести? Не найдя Золотой реки на востоке, зачем рвалась все дальше на Запад? Чего искала она? И чем могла так заинтересовать Британский Совет я, чтобы убедить их предоставить грант на обучение в Англии?

На сайте SSEES я нашла информацию о деятельности пресс-группы, посвященной всему происходящему на постсоветском пространстве. Post-Soviet Press Group (PSPG)

представляла собой еженедельный дискуссионный форум, действующий до сих пор при Школе славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона. Каждый четверг студенты магистратуры, аспиранты и ведущие британские эксперты по региону собираются вместе, чтобы в неформальной атмосфере обсуждать текущую прессу, политические тренды и «горячие» события в России, странах СНГ, Центральной Азии и Балтии.

В то время в России зарождался новый культурный феномен, который называли «радикальным арт-акционизмом» или политическим перформансом. Мир красоты и арт-перформанса существовали в тесной близости, формируя новую молодежную культуру больших городов. Не последнюю роль в этом мире играли девушки, закладывая основы феминизма.

Российский *Cosmopolitan* начала 2000-х был по-своему революционным журналом для постсоветского пространства. Он продвигал идеи, которые можно назвать «мягким, глянцевым феминизмом»: учил женщину быть финансово независимой от мужчины, открыто и без стыда говорил о женской сексуальности, контрацепции и праве на удовольствие, что для консервативного постсоветского общества было шоком, продвигал образ *Fun Fearless Female* (Веселой, Бесстрашной Женщины). Этот «бесстрашный» образ касался как личной жизни, так и карьеры: уйти от токсичного мужа, потребовать повышения зарплаты, полететь одной в пу-

тешестве.

Политика же, а тем более радикальный уличный протест, маргинальное искусство и левые идеи, полностью противоречили зарождавшейся в России эстетике «гламура» и «потребления». Обливание чиновников майонезом или панк-акции на улицах не могли попасть на страницы журнала, ориентированного на рекламу дорогой парфюмерии и одежды. Cosmo создавал и продавал совершенно другую реальность.

Тема несогласия левой творческой и студенческой молодежи в Москве, пытающейся нащупать новые формы протеста, когда традиционные медиа начинают контролироваться государством, хорошо вписывалась в формат обсуждаемого на заседаниях лондонского клуба журналистики, но не российского Cosmo, где существовало табу на жесткую политику.

Поэтому за информацией в поддержку своей заявки на грант пришлось обратиться к коллегам в дико-популярный журнал «Афиша» - главный путеводитель по культуре Москвы и Петербурга того времени. «Афиша» начала 2000-х фактически легитимизировала контркультуру для широкого круга молодых интеллектуалов. Они обожали исследовать новые молодежные тренды и «неформат», открыто и с восхищением писали о движении за анонимное и бесплатное искусство, таких людях, как Осмоловский³, андеграундных

³ Художник Анатолий Осмоловский движение «ЗАИБИ» (За Анонимное И Бесплатное Искусство) и Арт-группа «Война» фактически заложили фундамент

выставках, левых радикалах и арт-группе «Война», из которой в последствии выросло радикальное феминистическое движение «Pussy Riot».

Самое ироничное произошло позже, в 2012–2014 годах, когда Pussy Riot уже прогремели на весь мир. Выяснилось, что участницы Pussy Riot (Мария Алёхина и Надежда Толоконникова) — это молодые, образованные, яркие, ухоженные столичные девушки. Они не были похожи на стереотипных угрюмых маргиналов из подполья. В каком-то смысле они и были теми самыми независимыми, дерзкими и «бесстрашными женщинами», которых взрастила эпоха 2000-х (в том числе через массовую культуру).

Когда случился суд над Pussy Riot, глянцево-журнальные издания нового поколения (например, Snob) уже вовсю писали о них. А западные издания Cosmopolitan и вовсе стали ставить Толоконникову и Алёхину на свои страницы и брать у них интервью как у символов женской силы. Но это все было уже потом.

В начале 2000-х годов российский Cosmo и радикальный арт-активизм существовали в параллельных вселенных: один строил мир идеального женского успеха, а второй этот мир пытался разрушить. Так с какими девушками было по пути мне?

для Pussy Riot. Они проповедовали анонимность автора вместо культа личности художника), использование городского пространства без разрешения - захват улиц, памятников, и олицетворяли собой политический протест против зарождающегося авторитаризма (прим. автора).

Если честно, я как будто в известную басню Крылова попала. Душа моя, лебедь, свободно расправя крылья, в любой момент готова была сняться с насиженных мест в поисках новых берегов. Щука, очевидно, отвечала за карьеру и была не прочь дальше плавать в глянцевах медийных потоках. Ну а рак что? Он к этой теме отношения вообще не имел, так как ему был чужд феминизм в любых проявлениях. Наверное, в упрямой голове рака уже могли зарождаться мысли о чем-то исконно женском: семейные устои, очаг, дети... Однако, попятиться в ту сторону ему никто не дал. В головном отделе мозга его идеи задвинули до поры.

И все же, рубикон был пройден – заручившись грантовой поддержкой исследования постсоветского арт-акционизма в московском отделении Британского Совета, сертификатом IELTS, подтверждающим знание английского на достойном университетского колледжа уровне, а также связями Прекрасной Елены в школе славянских и восточноевропейских исследований, я получила место в магистратуре UCL . Являлся ли постсоветский арт-акционизм хулиганством, новым типом гражданского общества или чистым искусством? Это я и вознамерилась выяснить с коллегами из SSES.

Бестелесную мою спутницу к тому моменту было уже не обуздать. Она была на коне, она пошла войной на все привычное и конформистское, дай ей только разгуляться... Как когда-то музыканты и сказочники, отправились мы с ней с песнями и плясками в дорогу в поисках мудрости других на-

родов ... Моя роль пока сводилась лишь к ведению путевых заметок.

Глава 9

School of Slavonic Studies

Я оказалась в Лондоне в конце августа, почти за месяц до начала занятий, и первое время пребывала в эйфории от переезда. Лейстэр Сквэр и Чайна Таун пестрили афишами всемирно известных мюзиклов и театральных постановок, Оксфорд Стрит предлагала многоголосной толпе туристов несчетное количество товаров на любой кошелек, а буржуазный Найтсбридж приводил в оторопь своей роскошью. В многочисленных городских парках разгуливали павлины, раскидывали шатры мобильные оперные площадки, стройные люди в белом красиво играли в теннис.

Не менее притягателен город был ночью. Черные кэбы деловито сновали между клубами Сохо и ресторанами Мэйфэр, развозя одетых в дорогое вечернее красоток всех мастей и их уверенно улыбающихся спутников. Молодежь попроще наводняла Трафальгарскую площадь, танцевала под задорных уличных музыкантов, выступавших на ступенях величественной Национальной Галереи, и, время от времени, охлаждала свой пыл здесь же в фонтане, под безучастными взорами каменных львов и вознесшегося над площадью адмирала Нельсона. Хотелось тоже немедленно раскрепоститься

и познакомиться с ночной жизнью города.

- Я хочу веселиться, хочу остаться навсегда в этом бесконечно прекрасном городе!

Но, похоже у моей совести были другие планы:

- Не будь вертихвосткой, девочка, - настороженно отвечала мне бестелесная дева. – Мы здесь для того, чтобы учиться.

UCL School of Slavonic Studies своими окошками-сотами напоминала обиталище пчелиной матки. В одном из архитектурных справочников Лондона Эдвард Джонс и Кристофер Вудворт пишут: «Вид здания не типичен для Лондона, такое строение более уместно смотрелось бы где-нибудь в Загребе. Очевидно, соответствует брифу заказчика». Похожие дома я встречала на каникулах в горах Черногории, так что не могу не согласиться с приведенной выше характеристикой – в самом что ни на есть центре Лондона, неподалеку от знаменитого Британского Музея, еще конкретнее - на Тавитон Стрит в районе Блумсбери, меня приветствовали братья-славяне.

Футуристический улей вмещал рои студентов-бакалавров, магистров и аспирантов, специализировавшихся на изучении политики, экономики и культуры стран Восточной Европы. Я курсировала между Тавитон стрит, где располага-

лась моя магистратура по политике и социологии, и Бэдфорд стрит, где посещала семинары по теории и практике средств массовой информации. Вообще у студентов-магистров царил полная свобода построения своего учебного плана, что давало возможность выбирать как курсы, предлагаемые школой славянских и евразийских исследований, так и журналистские модули. Как мне и обещала Елена Павловна.

Помимо предметов, связанных с исследовательскими методами, дискурс анализу и написанием диссертации, предлагались на выбор курсы по популярной культуре, национальной идентичности, гендерном равенстве и даже сексуальности. В рамках моего магистерского курса СМИ журналистский фокус был смещен с привычного МИДовского на молодёжную культуру и то, как молодые люди потребляют медиа контент.

В МГИМО нам и в голову бы не пришло заговорить на семинаре по внешней политике о попкультуре, эти две вещи были несовместны. В UCL же на лекциях и семинарах всерьёз обсуждалось, что можно узнать о международной политике государства из популярной культуры и наоборот, что можно сказать о попкультуре, анализируя внешнюю политику. В противовес государствоцентричной теории международных отношений, мы больше размышляли о самой природе интернационального, обращая внимание на то, как проявления «международной политики» можно обнаружить в ме-

лочах повседневной жизни — от выпусков новостей до уличных протестов, и от проверок в аэропортах до рекламы моды.

После распада Советского Союза и краха канона соцреализма политическое искусство стало значительной силой, предлагая яркие, динамичные и нетрадиционные способы критики авторитаризма. Постсоветская арт-сфера предлагала художественные интервенции как метод, вдохновляющий массовые продемократические протесты в России и дающий основу для формирования новых социально-политических движений. Эту тему с большим интересом изучали лондонские социологи, журналисты и политологи.

Многомерные формы художественного самовыражения - от саунд-арта до инсталляций и перформансов нетрадиционных артистов - подпитывали дискуссии о продемократических инициативах и борьбе за признание прав меньшинственных сообществ. Все это было лишь отчасти знакомым для меня племенем – пестрым, сумасбродным... Кто-то засветился ранее в театрально-выставочном пространстве Москвы, других я знала по работе в глянце. Было ли это истинным искусством, сложно сказать, но черт возьми, это были очень веселые времена, свобода и энергия новизны зашкаливали. Лондон наводнили опальные политики, инакомыслящие литераторы и артисты-новаторы. Создавались русскоязычные театры, клубы. С возникновением ютьюба стали появляться даже свои новостные каналы. Русскоязычный Лондон процветал и плодоносил. Короче говоря, с темой о постсовет-

ском арт-акционизме я чувствовала себя в своей тарелке.

На первое время я остановилась у подруги в Ноттинг Хилле. Лена, моя бывшая коллега, сама недавно переехала - к молодому человеку. Его семья иммигрировала по еврейской линии, когда он был еще ребенком, а с Леной они познакомились через общих друзей в Москве, где он был в командировке. Петя был выпускником финансового факультета одного из лондонских университетских колледжей. Благодаря своему знанию русского языка и британскому гражданству, он весьма быстро и удачно устроился на работу в один из российских банков, который искал амбициозных молодых людей в лондонском Сити для освоения новых рынков капитала.

Мне же было необходимо исследовать другой рынок – студенческого жилья. UCL Union или Студенческий Союз занимал отдельное здание на Гордон стрит и играл важную роль на кампусе. Там располагались кафетерий, спортклуб и отдел студенческих кредитов. В отличие от стоимости обучения, которую Британский совет перечислял университету напрямую, поиск и оплата общежития были личной обязанностью самого студента. Мне полагалась стипендия £700 в месяц, этого должно было хватить на скромное проживание. Злоупотреблять гостеприимством ребят дальше было неудобно, к тому же и без меня там происходила постоянная

движуха.

Поскольку специальных приложений для поиска жилья тогда еще не существовало (как и смартфонов), я ежедневно просматривала доски бумажных объявлений, изучая списки проверенных арендодателей от университета. Получив в финансовом отделе бумажный чек (Traveller's Cheque) с подъемными деньгами от Британского Совета, я остановила свой выбор на Hall House — небольшом, но удобном общежитии по адресу North Gower Street, особенно ценившемся взрослыми иностранными студентами.

В отличие от других общежитий, где питание входило в проживание, в этом корпусе не было столовой, поскольку он состоял из отдельных студий и квартир с кухонными уголками. В большинство общежитий с питанием студентам предлагались общие столовые с фиксированным временем завтрака и ужина, а комнаты были хоть и одиночными, но с общей ванной на этаже. Не горя желанием питаться в столовой по расписанию и делить с кем-то ванную, я соблазнилась на крошечную студию, где до располагавшейся на антресолях кровати надо было взбираться по узенькой лестнице. Впоследствии, резко проснувшись по будильнику, я не раз больно ударялась затылком о потолок. И все же я нисколько не пожалела о своем первом лондонском жилье: пусть душ больше напоминал одностворчатый шкаф, а на маленькой плитке можно было приготовить максимум яичницу из двух яиц, это был только мой личный плацдарм для покорения

Лондона.

Обзаведясь адресом, я поспешила открыть счет в местном банке. После предоставления реквизитов Британский совет стал перечислять мне ежемесячную стипендию. Жизнь налаживалась! В начале 2000-х электронный банкинг только развивался, поэтому бумажные чековые книжки все еще были в активном ходу (хотя у нас в Москве банкинг налажился, как-то минуя эту стадию). Так или иначе, при открытии счета помимо дебетовой карты мне выдали чековую книжку. Раз в месяц, почти как британские леди и лорды, я гордо выписывала бумажный чек на имя университета и относила его в финансовый отдел кампуса.

Однажды, забежав в Student Union, чтобы передать очередной чек, на стене у кафетерия я увидела анонс предстоящей встречи с Анной Р., выпускницей нашей славянской школы и автором книги «Одежды Шамана». Журналистка и историк, в своей книге, написанной в стилистике путевых заметок или - выражаясь современным языком - трэвел блоге, Анна задокументировала историю коренных народов Сибири – жителей далекой, немного сказочной, малонаселенной ледяной страны.

Изучая культуру российской молодежи, я создавала и анализировала тексты, призванные заинтересовать жителей Москвы и Питера, ну может еще Екатеринбурга. Этот город-миллионник на границе Европы и Азии являлся последним форпостом цивилизации в том виде, в котором ее знало

большинство жителей центральной полосы России. Взгляд Анны на коренных жителей Сибири задел меня, затронул доселе молчавшие струны моей души. Десятилетиями позже, мы как-то путешествовали семьей на поезде из Москвы в Суздаль, и моя возвращенная в Англии дочь ответила подруге по телефону: я в Россию еду. Я засмеялась – Ты дескать, уже здесь - отождествляя Москву с Россией, однако она, как сторонний наблюдатель, четко подметила границу между столицей и остальной страной. Сибирь для меня была литературой, сказкой, почти вымыслом, вместе со своими коренными народами. В моем детстве мы все были советскими ребятами, в центре нашего мироздания стоял Кремль, а часы на Спасской башне были центром механизма, вокруг которого крутилась жизнь. Любой протест зарождался и подавлялся тут. Культурный центр был здесь же.

И вот иностранка-путешественница подняла эти нарративы о Сибири, где оказывается жили совсем иначе не похожие на нас люди. Я слушала о подавлении шаманизма, об индустриализации, нефтяных и горнодобывающих промыслах – об освоении этих земель моей цивилизацией, обо всем, что мы привыкли называть благами прогресса. А душа моя тихонько плакала, слушая о том, как уничтожали пастбища, терзали землю ее духов, разбирали курганы ее предков.

С интересом слушала я об *Ак Дянг*, что в переводе с алтайского означало «Белая вера» - уникальном религиозно-политическом движении, возникшем среди коренных алтайцев

в начале XX века. Это было не просто духовное учение, а мощный мирный протест против российской колонизации и культурной ассимиляции.

К началу XX века алтайцы оказались зажаты между двух огней: с одной стороны, Российская империя активно заселяла Алтай русскими переселенцами, отбирала лучшие пастбища и насильственно крестила местное население через Алтайскую духовную миссию. С другой стороны, традиционное алтайское шаманство («*черная вера*») пришло в упадок. Шаманы, еще их называли камами, требовали дорогих кровавых жертвоприношений (скота), что разоряло и без того бедных кочевников, и не могли предложить понятный ответ на вызовы новой эпохи.

Движение зародилось весной 1904-го года, когда жителям долины Теренг в Усть-Канском районе Алтая явился всадник на белом коне в белых одеждах. Он провозгласил себя вестником Ойрот-хана — легендарного мессианского правителя, который вернется, чтобы восстановить былую независимость алтайцев. Движение также называли *бурханизмом*, так как оно соединило в себе элементы тибетского буддизма (отсюда «Бурхан» — искаженное «Будда»), старых алтайских мифов и некоторые черты христианства.

Приверженцы «Белой веры» проповедовали отказ от шаманизма. Они сжигали камские бубны и костюмы, объявляли шаманов обманщиками, связанными с подземными злыми силами. Вместо лошадей и овец богу подносили молоко,

чегень (кисломолочный напиток), жгли веточки можжевельника (арчын) и привязывали к березам белые ленты (*кый-ра*). Движение ратовало за пацифизм и чистоту: запрещалось проливать кровь, убивать животных без крайней необходимости. Проповедовались честность, отказ от табака и алкоголя.

Однако, были в «Белой вере» и более радикальные постулаты: алтайцам запрещалось дружить с русскими, перенимать их обычаи, использовать русские деньги и даже называть русских по имени (их называли «*чичке бут*» — «тонконогие»). Движение росло стремительно: за считанные недели тысячи алтайцев съехались в долину Теренг, чтобы молиться и ждать пришествия Ойрот-хана.

Российские власти и православные миссионеры не приветствовали культурное обособление. Они боялись масштабного восстания. Несмотря на то, что движение было мирным протестом, оно было решительно подавлено. В июле 1904 года гражданское ополчение из русских переселенцев при поддержке солдат разогнало молящихся алтайцев, а их лидеры были арестованы.

После революции 1917 года советская власть поначалу пыталась заигрывать с бурханистами, используя их антимонархические настроения (в 1922 году даже была создана Ойротская автономная область). Однако уже к концу 1920-х годов начались жесткие сталинские репрессии. Лидеры движения и образованная алтайская интеллигенция были расстре-

ляны или отправлены в ГУЛАГ, а сама «Белая вера» ушла в глубокое подполье.

Анна рассказала нам о возрождении Ак Дянг в конце 90-х, свидетелем которого она стала благодаря своему путешествию по Алтаю. По ее мнению, для современных алтайцев это движение являлось не столько этнорелигией, сколько важной частью их национальной идентичности, философии бережного отношения к природе и сакральной связи с духами гор. На перевалах Алтая и сегодня повсюду можно увидеть те самые белые ленты, которые начали повязывать бурханисты более века назад.

- Isn't this rebirth of an old sacral cult fascinating? – whispered a guy sitting next to me.

- It is truly, - I replied to the owner of a broad smile and a freckled nose.

- I wish I could go to Altai one day, - the guy continued. – My Mum went there in 1993 to dig a mummy. – I am Lucas, by the way, - and he reached out with a handshake.

- Ксения, - выдохнула я, пожимая протянутую руку. Меня словно током ударило, и дело тут было не в неотразимости моего нового знакомого, хотя Лукаса можно было назвать весьма привлекательным молодым человеком. Как-то древняя как мир сила пригвоздила меня к месту, и я поняла, что в Лондон приехала именно ради этого момента, и художественные протесты для меня тихонько канули в историю.

Глава 10

История, рассказанная Лукасом

Незаметно для себя мы с Лукасом проглотили какие-то сэндвичи с курицей в кафе у Гордона, а потом продолжили беседу на скамейке под липами популярного среди молодежи Рассел-Сквер, раскинувшегося неподалеку от здания студенческого союза. Вечера стояли еще теплые, до экзаменов было далеко и назад в общежитие спешить было не зачем. К тому же, если бы мне и захотелось отделаться от нового знакомого, нужно еще было улучшить момент, чтобы вставить хоть слово. Речь его лилась, словно песня.

Высокий худощавый парень в футболке с надписью Coldplay и широких джинсах, Лукас вполне ожидаемо оказался моим ровесником, тоже студентом UCL. Владелец растрепанных каштановых волос, веснушчатого носа и широкой белозубой улыбки поспешил сообщить мне, что вообще-то он родом из Нью-Йорка, приехал в Лондон целенаправленно поступать в Школу Славянских и Восточноевропейских Исследований и учится теперь здесь в магистратуре по антропологии, а на лекцию Анны его привел интерес к этнографическим методам изучения неформальных практик малых народов Южной Сибири. Необычная траектория, но в общем ничего сверхъестественного в этом не было. А вот то, что я услышала дальше, никак нельзя было назвать

очевидным. Если я оказалась на той лекции случайно, то для Лукаса выбор Алтайского региона предметом своих изысканий был не случаен.

- Soo, Lucas. How did you end up here? - I mean, there should be plenty of unis offering anthropology in the States? – решила я поинтересоваться.

- Вот, Ксения, зришь в корень. - Я закончил бакалавриат по социальной антропологии в Гарварде. Мог пойти дальше в магистратуру, но география их этнографических исследований не включала в себя такие регионы, как Сибирь. То есть, конечно, предлагались Евразийские программы, но по отдельности - в социоэкономическом или политическом ракурсе. В США нет точного аналога SSEES как отдельной школы по изучению России в таком масштабе внутри университета.

- How on Earth did you even know what Altai was? – удивилась я выбранному им направлению.

- Моя мать – археолог. Яблочко от яблони не далеко падает, так у вас говорят? – Так вот: около десяти лет назад ей каким-то чудом удалось попасть в состав группы ученых из Новосибирска, которые занимались раскопками на алтайском плато Усть-Коксу. – Дженни тогда работала в Гарварде и, благодаря перестройке с гласностью, ей удалось познакомиться со своей сибирской коллегой, Натальей. Та только-что получила разрешение на экскавацию курганов на Алтае. В 1993-м году она пригласила мать присоединиться к

экспедиции.

Дженни получила визу и полетела в Новосибирск, откуда уже вместе с Натальей, руководившей раскопками, и другими участниками экспедиции отправилась на высокогорное плато Укок в Республике Алтай, в районе границы четырех государств: России, Казахстана, Китая и Монголии. Это была высокогорная труднодоступная местность, около 2200–2500 метров над уровнем моря. Будучи женщиной невероятной силы духа и физической выносливости («Еще бы, мать выросла на ферме в Огайо», - добавил Лукас), Дженни охотно бралась за самую тяжёлую работу. Пока другие с трудом переносили акклиматизацию к высокогорью, она поднимала тяжёлые камни и таскала вёдра с водой для оттаивания льда, сковавшего древний саркофаг в обнаруженном кургане.

Захоронение Ак-Алаха-3 стало одной из самых значимых и загадочных археологических находок конца XX века. Тело принадлежало довольно высокой (1м 70 см) молодой женщине 25-28 лет с европеоидными чертами лица; находку Наталья предположительно отнесла к периоду Железного Века, что позже подтвердили и другие ученые Новосибирского отделения Российской Академии Наук. Мумия, датированная V–III веками до нашей эры, получила название «Алтайской принцессы» или «Ледяной госпожи». Уникальность находки заключалась в том, что линза льда внутри могилы позволила органике сохраниться в идеальном состоянии более 2,5 тысяч лет.

Археологов поразило богатство захоронения. Рядом с погребальной камерой находилась часть, отведенная жертвенным лошадям. Хвосты их были убраны лентами. Саркофаг был украшен лебедями из войлока. Внутри него лежало тело женщины в наряде из шёлка и великолепном головном уборе. Это был высокий (около 60–80 см) парик, обильно украшенный золочеными деревянными фигурками. Его основой служил войлочный колпак, на который наклеивались собственные волосы женщины и конский волос. На нем располагались фигурки оленей, птиц и фантастических существ. Самой заметной деталью была высокая вертикальная деталь («перо» или накосник), на вершине которой находилась фигурка оленя, стоящего на шаре. Этнографическое исследование обнаружило, что такая прическа-убор, скорее всего, символизировала «древо жизни» или связь с верхним миром богов.

Также большой научный интерес представляли татуировки, покрывавшие её руки. Самая интересная - алтайский грифон (олень с клювом грифона и рогами козерога) на левом плече. Это сложнейшее искусство свидетельствовало о высоком уровне развития народа, к которому принадлежала девушка. По специфическим татуировкам и одежде захоронение было отнесено к древней пазырыкской культуре Южной Сибири.

Находке на плато Укок был присвоен статус охраняемого наследия ЮНЕСКО, а местные жители и вовсе провоз-

гласили найденную древнюю женщину госпожой Кадын, своей богиней-прародительницей, охраняющей покой земли от злых духов. Распространению легенды о царском или даже божественном происхождении таинственной принцессы поспособствовал сюжет, изображенный на древнейшем из сохранившихся ковров, который был найден в другом Алтайском кургане неподалеку от плато Укок еще в начале 1920-х годов экспедицией Руденко, впервые рассказавшей о пазырыкской культуре. Он сейчас представлен в Эрмитаже. На нем пазырыкский воин – вождь, принимает символы власти из рук сидящего на троне женского божества. На мысли о царственном статусе женщины в захоронении Ак-Алаха наводил и характер захоронения – оно было одиночным, тогда как в других курганах останки женщин находили только с мужскими. Ученые, естественно, больше полагались на найденные в могиле артефакты, чем легенды алтайцев о божественном происхождении принцессы с плато Укоку. По их мнению, найденная ими дама была, вероятнее всего, жрицей или камкой.

- Мать никак не отпускали Алтайские горы, - продолжил Лукас. Она решила вернуться на Укоку год назад и пропала там во время землетрясения. По крайней мере, с тех пор я от нее ничего не слышал. Поиски, организованные американским консульством, ни к чему не привели: тело так и не нашли. Местные поговаривали, мол, духи забрали за то, что «принцессу» потревожила. - Мне только и осталось, что

вспоминать ее рассказы о найденной мумии с татуировкой грифона на плече. И вот я здесь, пишу диссертацию о пазырыкцах и ищу варианты отправиться в экспедицию в те края - закончил свое повествование Лукас.

Я долго молча смотрела на своего спутника, пораженная услышанным. Перед глазами отчетливо вырисовывался образ моей задушевной спутницы. - «Что за чертовщина, что он тут плетет, я сплю? Этот обычный с виду парень просто экстрасенс какой-то, или я совсем сбрендила. Может мне пора в больничку к психиатру: по ночам с бестелесными девами беседую, теперь еще наяву видения начались?»

Позвякивание ключей у ограды сада на время отвлекло меня от роившихся в голове мыслей, и мы с Лукасом побежали к выходу, чтобы не остаться ночевать под открытым небом. Погода в Лондоне, как известно, капризна и своевольна, почти как Ледяная Дева, о которой теперь было известно не только мне одной.